МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

Литература

1. Искусство с 1900 года / Х. Фостер и др. М. : Ад Маргинем Прес, 2015. 816 с.
2. Чертов Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-137

**СИСТЕМА РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ
И МОТИВОВ РАССКАЗА Ф. КАФКИ «БРАТОУБИЙСТВО»**

Носова Е.С.

Томский государственный университет, студент

**SYSTEM OF RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL IMAGES
AND MOTIVES OF KAFKA'S STORY «FRATRICIDE»**

Nosova E.S.

Tomsk State University, student

В работе рассматривается рассказ Кафки «Братоубийство» через призму религиозного, символического и этического аспектов, анализируется мотивно-образная структура рассказа, осмысливается сочетание религиозных и абсурдных черт сознания Кафки.

Ключевые слова: экзистенциальная справедливость, религиозность, притчевость, абсурд.

Kafka's story «Fratricide» is considered in this research through the prism of religious, symbolic and ethical aspects, the features of Kafka's prose that appeared in the story are analyzed, the combination of Kafka's religious and absurd consciousness is understood.

Key words: existential justice, religiosity, parable, absurd.

Научный руководитель: А.Н. Губайдуллина, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

«Убийство» – короткий рассказ Франца Кафки, написан на рубеже 1916–1917 годов. Рассказ переработан под названием «Братоубийство» в 1919 году. В данной статье рассматриваются религиозный, символический и этический аспекты рассказа «Братоубийство», которые до сих пор не были изучены.

Почти вся проза Кафки имеет притчевый характер. Как правило, в подтексте притчи скрыта нравственная максима. Кафка сохраняет в своей прозе некоторые особенности жанра притчи (а именно малый объем, иносказание, отвлеченные понятия), при этом преобразуя её. Х. Политцер

определяет их по этой причине как «“открытые”, чья многозначность ведет к тому, что каждый реципиент ставит свою собственную, индивидуальную истину на место общепотребительной» [1. С. 18].

Однако абсурдность не отменяет их религиозность. В этом состоит интересный парадокс. А Кафка как представитель начала XX века (исторической эпохи, когда мир почувствовал изменение аксиологической парадигмы) совмещает два разных типа сознания: религиозность и абсурд. «“Человек не может жить, – говорит Кафка, – без веры, в нем есть что-то, что не поддается уничтожению”. И к этому он добавляет: “Однако, может быть, что и вера, и другие неуничтожаемые ценности могут исчезнуть из сознания человека на долгое время. И если произойдет это исчезновение, то останется вера в личное божество”» [2. С. 148]. Здесь мы видим слияние скепсиса и веры.

В рассказе «Братоубийство» есть указание на присутствие трансцендентных сил: «Но там, наверху, ничто не шелохнется, чтобы возвестить ему ближайшие события; все бессмысленно цепенеет на своих непреложных, непостижимых местах» [3. С. 241]. Присутствие бога не подвергается сомнению, однако он бездействует. Если божественные силы безразличны, то это указывает на бессмысленность определения понятий добра и зла.

Название указывает на соположение рассказа с библейской легендой о Каине и Авеле, а фабула рассказа косвенно подтверждает связь. Важно, что рассказ Кафки – это уже не религиозный миф, а трансформация библейского текста.

Паллада – местный обыватель в рассказе – это одно из имён богини Афины. Слово «паллада» от греческого «паллео» или «паллос». Глагол *πάλλω* означает «бросать жребий», «потрясать», «трясти». Однокоренными словами являются существительные со значением «жребий», «копье», «молния» [4. С. 926]. Жребий и копье маркируют божественный суд (то, за что в числе прочего отвечала Афина, которая изображалась с копьем, с молнией) [5. С. 125–127].

По своим функциям Паллада из рассказа связан с образом Афины-Паллады из мифов: он произносит приговор убийце: «Паллада, давясь и брызжа ядом, стоит в распахнутых дверях. – Шмар! Шмар! Все улики налицо, ничто не укрылось!» [3. С. 242]. Однако Паллада не всевластен, он живёт в человеческом мире (на втором этаже дома) и не волен вершить судьбы, как мифологическая Афина. Скорее, он очевидец происходящего. Судьба – нечто случайное, она более не находится в

божественной власти. Поэтому Паллада не может помочь: он лишь симулякр, фикция бога для автора, пишущего в XX веке.

В рассказе нет чётко указанной причины преступления. В рассказе Шмара не наказывает бог, но наказывают люди (полицейский). Власть у Кафки – это нечто иррациональное, непознаваемое до конца, но диктующее норму и закон бытия. Полицейский выступает в роли статиста, Паллада изъясняется канцелярским языком. Происходит слияние «небесной и земной власти», и ни одна из них не может предотвратить зло.

Семантика имён также корреспондирует авторскому замыслу. В немецком языке «Wesen» – это «природа, сущность, бытие». «Schmarte» – Шрам, рубец, что связано с оружием. А «Schmarotzer» – это «нахлебник, паразит». Семантика слов позволяет предположить, что убийство Шмаром Везе – это покушение человеком на саму природу бытия, справедливого и гармоничного по своей сути.

Кульминацией рассказа является речь Шмара. Он испытывает восторг от убийства: «О восторг убийства! О чувство облегчения и окрыленности при виде потока чужой крови!» [3. С. 241]. Шмар спорит с самим Богом: человек может уничтожать природу и бытие, вершить судьбы. Именно поэтому Шмар жалеет, что ему не удаётся сделать так, чтобы тело Везе полностью исчезло, то есть в полной мере овладеть божественной способностью создавать или уничтожать: «Жаль, что ты не просто налитый кровью пузырь, который, лопнув, исчез бы бесследно!» [3. С. 241]. Однако несмотря на то, что Шмар посягнул на роль Господа, божественного ответа не следует, потому что бог ничтожен (Паллада) и безразличен.

Кафка прибегает к библейскому тексту как к основе построения концепции о безнравственности человека и жестокости современного ему социального устройства. Если библейская притча свидетельствует о сосуществовании и разграничении добра и зла; о высшей божественной справедливости, обрекающей Каина на наказание, то в начале XX века, в период Первой мировой войны, Кафка не может найти подтверждения безусловной вере в справедливость. Единобожие заменяется новым язычеством, где бог – лишь равновеликая человеку беспомощная фигура, удовлетворяющая собственные прихоти.

Литература

1. Ткаченко В.И. Языковые особенности нефикциональных текстов Франца Кафки // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.:

Филология, педагогика, психология. 2016. № 2. С. 13–20. Доступ из науч. электрон. б-ки elibrary.ru

2. Брод М. Жизнь и смерть Франца Кафки // Время и мы. Международный журнал литературы и общественных проблем. 1980. № 51. С.142–176. Доступ из «Ebooks.com».

3. Кафка Ф. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Фолио, 1994. Т. 1. 528 с.

4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Рескрипт V издания 1899 г. М. : Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 2006. 1370 с.

5. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т./ гл. ред. С.А. Токарев. М. : Олимп, 1997. Т. 1. 720 с.